

УДК 809.454 (084.4)

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Н. Г. Зайцева

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье представлены некоторые результаты комплексного исследования международного коллектива авторов из Финляндии, Эстонии и Карелии, воплощенные в трех томах «Лингвистического Атласа прибалтийско-финских языков» [Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE]. Карты атласа и комментарии к ним через посредство языковых фактов позволяют реконструировать некоторые особенности материальной и духовной культуры исследуемых народов и служить источником материала не только для лингвистов, но и для представителей многих смежных наук.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, лингвистическая география, атлас, лексика.

N. G. Zaitseva. BALTO-FENNIC LANGUAGES AS MIRRORED BY LINGUISTIC GEOGRAPHY

The paper presents a comprehensive study by the international team of authors from Finland, Estonia and Karelia embodied in three volumes of the «Linguistic Atlas of Balto-Fennic Languages» [Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE]. Through the mediation of linguistic facts, the maps of the atlas and the corresponding comments provide an insight into the material and spiritual culture of the peoples in question, and act as a source of material not only for linguists, but also for representatives of many adjacent disciplines.

Key words: Balto-Fennic languages, linguistic geography, atlas, vocabulary.

Лингвистическое картографирование, или нанесение на карту языковых явлений, получило название лингвогеографического метода исследования языков. С его помощью изучается территориальное распространение элементов языка, которые определяют его диалектные ареалы и разновидности. Использование лингвогеографического метода сочетается с иными методами и методиками исследования, с помощью которых можно выйти в различные области науки. В комплексе со сравнительным исследованием структуры родственных языков, сопоставлением и анализом фактов неродственных языков, историческим подходом,

этимологической реконструкцией ареальная лингвистика при использовании метода лингвистического картографирования способствует решению многих проблем исторического и синхронного языкознания, а также пониманию историко-культурного контекста языкового развития. По картам возможно проследить процесс номинации предметов, проиллюстрировать мотивы именований и сравнить их возникновение и проявление в языках разных систем. В свою очередь, сравнение разных вариантов именований и их мотивов, рассмотрение их функционирования позволяет отчасти восстановить характер мышления и связать его с

лингвистической психологией, которая призвана исследовать внутреннюю структуру языковых явлений, а также с лингвистическими универсалиями, так как дает возможность увидеть, что же присуще большому количеству говоров, диалектов, языков или групп языков, а что присуще только внутренней структуре одного языка или диалекта. В методе лингвистической географии широко представлена лингвистическая статистика, поскольку на карте можно наглядно отразить частотность и повторяемость тех или иных форм, моделей, конструкций, что позволяет накладывать языковые ареалы на ландшафтно-топографическую, административную карту, определяя границы этнических и иных историко-культурных зон.

Составление лингвистического атласа требует серьезной подготовительной работы. Атласы иногда считают венцом лингвистической науки, поскольку уже при отборе материала для них следует принимать во внимание все стороны функционирования языка. Самим авторам идеи должны быть известны многие теоретические и практические проблемы, которые должны решаться в атласе. От этого зависит подбор материала для составления вопросника, по которому должен собираться языковой материал.

Прибалтийско-финские языки находятся в поле зрения исследователей более трех сотен лет. Уже в XVII в. появились первые публикации, например, о родстве финского, эстонского и ливского языков. Стали готовиться многоязычные словари, которые были своеобразными прообразами лингвистических атласов. Одним из ярких образцов словаря подобного типа является сравнительный словарь П. С. Палласа. Примером подобного словаря в современной прибалтийско-финской науке является «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков», подготовленный в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН (издание словаря было осуществлено значительно позднее его создания, лишь в 2007 г.). В данном словаре, посвященном северной группе прибалтийско-финских языков, представлен уникальный материал, собранный в конце 1970-х гг. (1979–1981 гг.) в полевых условиях, позволяющий выявить в общих чертах единый словарный фонд, элементы схождения и расхождения названных языков и диалектов, уточнить распределение многих заимствований по диалектам карельского, вепсского и саамского языков [Словарь, 2007. С. 3]*.

Идея лингвистического атласа, охватывающего территорию распространения всех при-

балтийско-финских языков, возникала еще в конце 1970-х гг. Отправной точкой стала работа в Лингвистическом Атласе Европы [Atlas Linguarum Europe = ALE], составление которого ведется уже более двух с половиной десятилетий и на картах которого финно-угорские и прибалтийско-финские явления не всегда выглядят яркими и показательными, так как здесь в фокусе находится, прежде всего, индоевропейская семья языков, и в Атласе представлены более универсальные явления, свойственные языкам Европы. Прибалтийско-финский же материал для ALE оказался во многих случаях излишне экзотичным, не вписывающимся в европейский языковой контекст.

Основой общего прибалтийско-финского лингвистического атласа стали атласы, посвященные одному языку и его диалектной системе: это Атлас эстонского языка Андруса Саарестэ [1924], Атлас финского языка Лаури Кеттунена [1930–1940], Атлас карельского языка Д. В. Бубриха, А. А. Белякова, А. В. Пунжиной [1997]. Опыт составления названных атласов, их материалы помогли определить круг вопросов для нового прибалтийско-финского атласа, ставшего коллективной трехсторонней темой, в которой участвовали ученые Финляндии, Эстонии и Карелии.

При формировании вопросника составители атласа ориентировались на ту речевую практику, которая сложилась в прибалтийско-финских языках до конца 1939 г. [ALFE-I, 2004. S. 60]. В начале XX в. все прибалтийско-финские народы жили в обществе, где преобладало сельское хозяйство, в свою очередь, для сельской среды была характерна незначительная мобильность. Во второй же половине XX в. относительно единый ареал был нарушен последствиями Второй мировой войны, приведшей и к нарушению языковой ситуации. Попытка воссоздать языковую ситуацию начала XX в. давала возможность обойти более поздние языковые изменения, которые вносились индустриальной культурой и культурными инновациями как в прибалтийско-финские, так и в иные языки. Быстрое развитие техники повлияло тотально на разные сферы и культуры народов и привело к серьезным изменениям в языках, особенно в лексике: вслед за изменениями в реальном мире часть лексики вышла из употребления, а для обозначения новых предметов и понятий появилось много заимствований или изменений в значениях исконных лексем. Это стало отдалять языки друг от друга.

Обсуждение проблем сбора материала являлось одним из ключевых, поскольку именно диалектный материал – это основа атласа.

* Позднее материалы словаря активно использовались карельскими языковедами в работе над ALFE.

Трудно было представить, что в конце XX в. есть возможность собрать диалектный материал в полевых условиях полностью. Эти же проблемы еще раньше вставали и при сборе материала для Лингвистического атласа Европы. Известный финский лингвист Терхо Итконен, который на первом этапе руководил работой ALE в области финно-угорского языкознания, в свое время говорил, что это было бы невозможно, исходя даже из экономических предположений. Он совершенно справедливо отмечал, что ранее собранные большие коллекции материалов для атласов и диалектных словарей, которые составили базу диалектных материалов многих языков, могут быть использованы при работе над любым атласом [Itkonen, 1978. S. 255]. Основой для отражения в «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» более древнего положения вещей было также существование богатейших языковых архивов в Финляндии и Эстонии, в которых хранятся сведения и по многим родственным языкам (например, картотека языковых материалов в Финляндии – 8,5 млн словарных карточек, в Эстонии – 3 млн карточек). В Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН не имелось столь богатых коллекций материалов, однако в Карелии и сопредельных областях еще возможно было собрать материал у носителей языков, диалектов и говоров. Кроме того, Фоногрархив института содержит уникальные записи карельской и вепсской речи, которые стали собираться с конца 1930-х гг. Проведенные в последнее время подробные электронные описи материалов показали, что архив обладает богатой фонотекой карельских материалов, которые записаны практически во всех пунктах проживания карелов от лучших знатоков языка. Коллекция насчитывает около 2100 единиц хранения, что составляет более 4000 часов записей. Фонотека вепсских материалов не столь обширна, но, тем не менее, и она является, очевидно, одной из самых представительных в мире хранилищ вепсских текстов разного характера (около 300 единиц хранения, ~ 400 часов магнитофонных записей). Часть этих материалов была расшифрована и введена в научный оборот в виде образцов карельской и вепсской речи, а также диалектных словарей, материалы которых исключительно богаты и являются своеобразными энциклопедиями материальной и духовной жизни народов. Они активно использовались и в работе при сборе материалов для атласа.

Тематика привлеченных для картографирования в ALE понятий разнообразна и отражает многие стороны жизни прибалто-финнов. Все-

го представлено 12 разделов: жилье, жизнь, строение; занятия, народные промыслы (земледелие; животноводство; рыболовство; охота; кустарные ремесла, приготовление пищи; человек (анатомия и физиология; духовная и эмоциональная сфера и ее особенности; названия и термины родства); фауна; флора; средства передвижения; страны света; географические термины, рельеф; время; местоимения, союзы, частицы; имена общего характера; глаголы общего характера. Из перечня тем ясно, что для картографирования привлечен большой пласт лексики, отражающий различного рода явления материальной и духовной культуры, а также окружающей среды. Вопросник включил в себя первоначально 317 вопросов [см. Kyselysarja, 1989], но впоследствии по ряду причин несколько вопросов было изъято. Всего было подвергнуто обследованию 259 опорных населенных пунктов, расположенных в прибалтийско-финском ареале: по финскому – 185 пунктов, по карельскому – 29, по вепсскому – 7, по ижорскому – 3, по водскому – 3, по эстонскому – 30 и по ливскому – 2.

Одна из задач, которая исключительно важна для всех ономастических атласов (она была первоочередной и в прибалтийско-финском атласе), заключалась в том, чтобы на поставленные вопросы были получены идентичные ответы, иначе сравнение было бы невозможным. Так, например, понятие «дом» само по себе размыто, в нем на прибалтийско-финской почве есть, по крайней мере, два момента, которые вступают друг с другом в противоречие: дом как «строение» и дом как «родной дом». Поэтому была поставлена задача максимально точно очертить основное значение понятия: например, понятие «серый» было определено, как «цвет золы от сгоревших березовых дров» [Kyselysarja, 1989. S. 7], а понятие «горячий» – как «горячая вода», поскольку состояние других предметов при нагревании могло называться иными словами [Kyselysarja, 1989. S. 30]. Названные моменты, как оказалось впоследствии, были исключительно важными, поскольку оплошности при определении понятий привели к недопониманию и неправильному сбору материала. Так, понятие «дрожжи», сбор наименований которого отнял много времени, оказалось не востребованным для атласа, поскольку в говорах были собраны как из картотек, так и в полевых условиях именования дрожжей для различных видов теста, кваса, пива и т. д., а собиратель был в замешательстве, на чем же ему сосредоточить свое внимание. Данные слова не могли быть размещены на картах, так как определяли разные типы и разные виды дрожжей.

Карты «Прибалтийско-финского лингвистического атласа» носят различный характер: ономастические, семантические, мотивационные, частотные, карты формативов, а также карты-реконструкции, посвященные некоторым наиболее древним элементам [ALFE-1, 2004. S. 67]. Исключительно важны карты, которые посвящены непосредственно прибалтийско-финской языковой общности и ее сложению. Несмотря на достаточно «солидный» возраст исследования прибалтийско-финских языков, многие ключевые моменты до сих пор не находят своего решения. Даже вопрос о количестве языков (не говоря уже о количестве диалектов), входящих в прибалтийско-финскую языковую ветвь финно-угорской языковой семьи, постоянно дискутируется: по разным точкам зрения среди них выделяется от шести до девяти языков [ALFE-I, 2003. S. 53–54]:

а) с одной стороны, не все выделяют язык ижор в качестве самостоятельного языка (например, финляндская школа в противовес эстонской и российской);

б) с другой стороны, язык сету в Эстонии и южноэстонский диалект часто считают отдельными языками;

в) финляндская школа язык карелов-людиков, которые живут в Карелии в Пряжинском, Олонецком, Кондопожском районах (Святозеро, Пряжа, Михайловское и т. д.), считает самостоятельным языком, и во всех основополагающих исследованиях людиковские материалы даются отдельно. Ученые полагают, что изначально отнесение ижорского, ливвиковского и людиковского языков к отдельным языкам или диалектам одного языка зависело от воли случая и с трудом поддается лингвистическому обоснованию. Поэтому в атласе много лингвистических карт, которые проливают свет именно на родство языков и групп языков и диалектов, что непременно будет принято во внимание при последующих исторических изысканиях с использованием материалов ALFE.

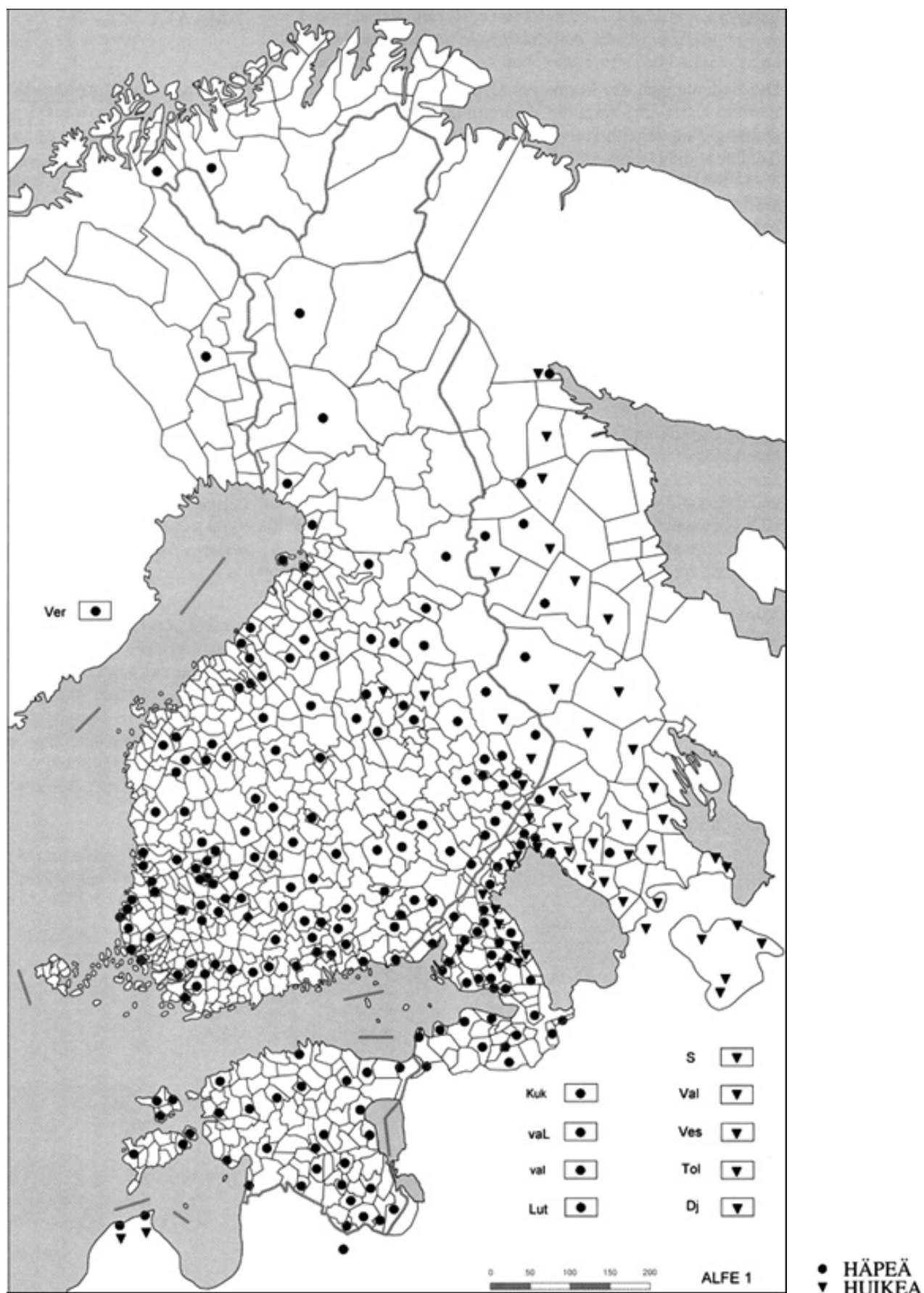
В данной статье приведены некоторые примеры лингвистических карт, позволяющие делать предварительные выводы о развитии языков, групп языков и диалектов, их взаимовлиянии и направлении языковых контактов.

На наш взгляд, несомненный интерес представляют карты-формативы, которые уже сами по себе предполагают, что та или иная лексема существует в родственных языках, но каков ее внешний облик и где непосредственно она существует, следовало установить путем

точного сбора. Так, карта-форматив HÄPEÄ/HUIKEA* «чувство стыда и состояние раскаяния из-за неприличного поступка» [см.: ALFE-I, 2004. S. 138–139], посвященная этим древним исконным лексемам, делит прибалтийско-финский ареал на две зоны: западную (HÄPEÄ) и восточную (HUIKEA). Между ними есть небольшая зона взаимопроникающих контактов. Эта карта иллюстрирует наиболее близкое родство диалектных ареалов карельского и вепсского языков, причем материал всех карельских диалектов, включая и людиковские, исключительно однороден (см. карта 1). Этимологи полагают, что обе лексемы могли быть заимствованиями из германских (*hāpeä* < *hāwpa* «насмешка» [см. Häkkinen, 2004. S. 239]) и скандинавских (*huikea* < древне-норв. *hvika* «быть в нерешительности; сторониться, отступать; сомневаться» [см. SSA-I, 1992. S. 178]) языков. Правда, последняя этимология находится до сих пор под вопросом; большей поддержкой пользуется идея об исконности лексемы, имеющей дескриптивное происхождение. Тем не менее карта дает возможность предполагать, что древние заимствования уже делили прибалтийско-финский ареал на те две группы, которые и сегодня именно в этом составе противостоят друг другу.

Карты атласа, которые посвящены результатам языковых контактов, несомненно, исключительно интересны, поскольку в них нашли отражение многие моменты развития материальной и духовной культуры народов. Каждая подобная карта давала материал для научных размышлений, изысканий и углубления в проблему. Достаточно показательны в этом плане карты, на которых представлены именованья понятия «штаны/брюки» [см.: Zajceva, 2009. S. 237–243]. Этнографических исследований по одежде, как оказалось, не так уж и много. Причем в них практически нет рассуждений о связи самих предметов одежды с их названиями; они лишь сообщают, что мужчины носили верхние и нижние штаны/брюки, которые в языке назывались каким-то образом, из чего может сложиться впечатление о том, что эти предметы всегда существовали и пришли к нам из древности. Однако в работе «Прибалтийско-финские народы России» совершенно справедливо отмечено, что «...к сожалению, между описываемыми археологическими материалами об одежде и этнографическими данными... существует пробел в несколько веков» [Клементьев, 2003. С. 242].

* Все карты технически подготовлены Аннели Хянинен, НИЦ языков Финляндии, Хельсинки.

Карта 1. Название чувства стыда, раскаяния

Брюки, как показывает языковой материал, относительно молодое явление. Некоторые источники сообщают, что в Древнем Риме штаны до колен стали носить вначале воины. Однако уже во времена древнеримского императора Адриана (117–138 гг.) появились и длинные брюки [Manninen, 1927]. В Малой Азии и в скифских находках обнаружены длинные брюки, которые относят к последним столетиям до нашей эры [Sirelius, 1921. S. 401]. По мнению Сирелиуса, живущие в России прибалтийско-финские народы стали носить длинные брюки уже тогда, когда на западе еще ходили в полубрюках. Восточный тип брюк состоял из трех частей: двух штанин и объединяющей их верхней части. Такие брюки были распространены в южной и средней России еще в XVIII в. Предмет мужского туалета, обозначенный карельским и вепсским словами *koatiet-kadjad* (< древнерусск. **gatja* [см.: SSA-II, 1995. S. 268]; ср. также русск. диал. *гати, гащи, гачи* «портки, штаны, колоши, штанины, сополи» [см.: Даль, 2006, т. I. С. 327]), представлял именно подобный тип брюк.

В Финляндии брюки стали частью мужского туалета в Средние века (Talve, 1979. S. 129), и они состояли из двух своеобразных длинных шерстяных щитков для ног (отметим, что лексема *housut* (< шведск. *hosor*) обладает формой мн. числа, обозначая некую совокупность; ср. также древнешведск., древненорв. *hosa* «прикрытие для ног, чулок» [см.: SSA-I, 1992. S. 176]).

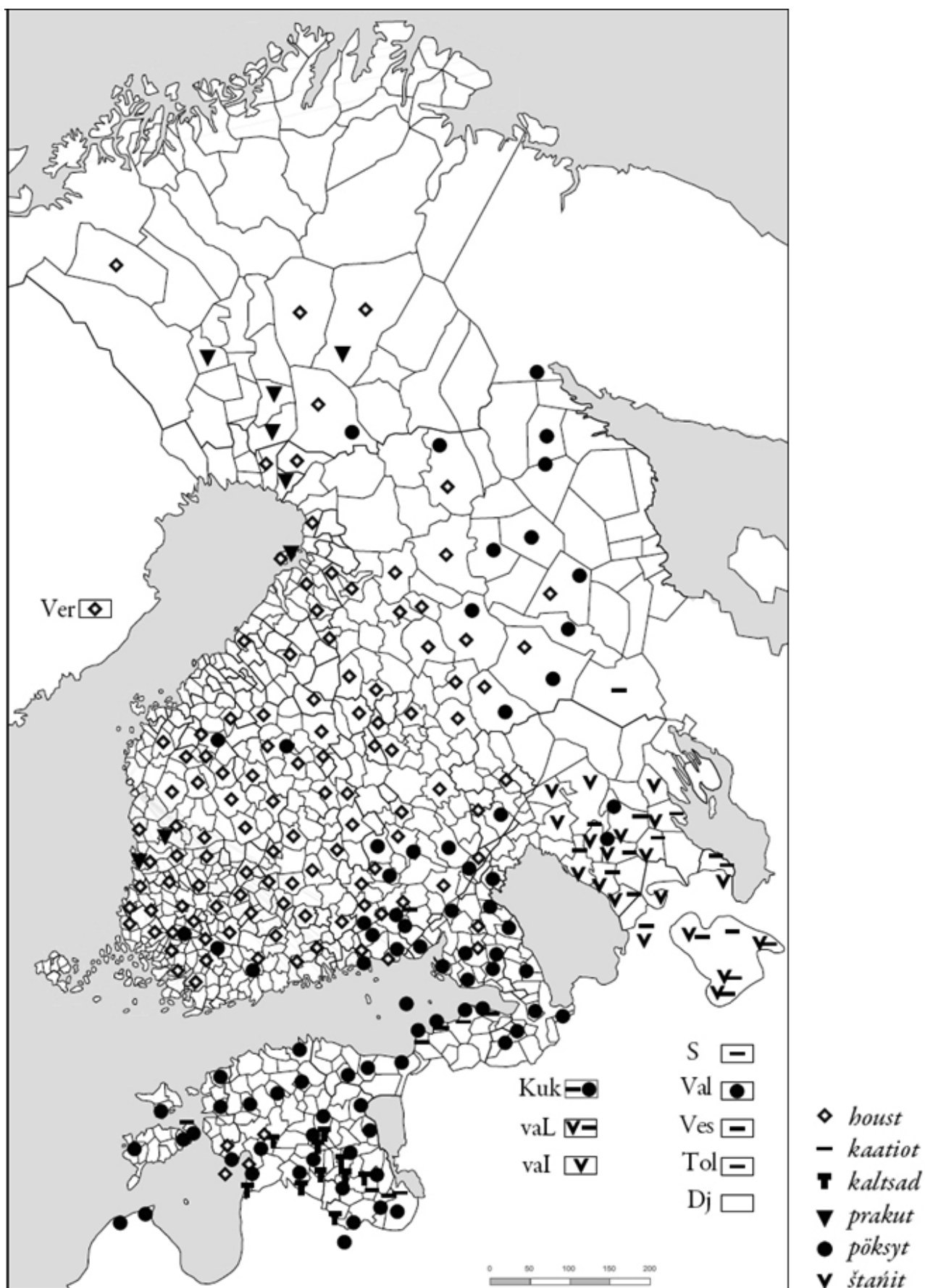
Эстонские мужчины летом носили штаны, сшитые из льняной или жесткой конопляной, а зимой из шерстяной ткани. По своему виду они напоминали восточноевропейский тип брюк; об этом говорят и их наименования, которые имеют славянское происхождение (*kaatsad, kaltsad* < древнерусск. *колоша, сколоша* «одна штанина, длинный чулок»). Эстонцам был свойствен и другой тип брюк, наименование которого *uusad*; как и финское *housut*, имеет германское происхождение [Voolma, 1977. С. 23]. В XVII в. брюки эстонцев стали все больше приобретать западный вид. В северной и средней Эстонии появились широкие брюки, собранные ниже колен в складки. Для них стало употребляться новое наименование *püksid*, заимствованное из германских языков (< древнешведск. *böxa* «брюки» [см. SSA-I, 1992. S. 466]). В карельский и вепсский языки пришло и более молодое заимствование из русского языка: *štanit, štanad* < русск. штаны.

Так что же носили прибалтийско-финские мужчины? Не ходили ли они, как швейцарцы, в длинных платьях, которые русские соседи стали называть балахонами, а носителей этой оде-

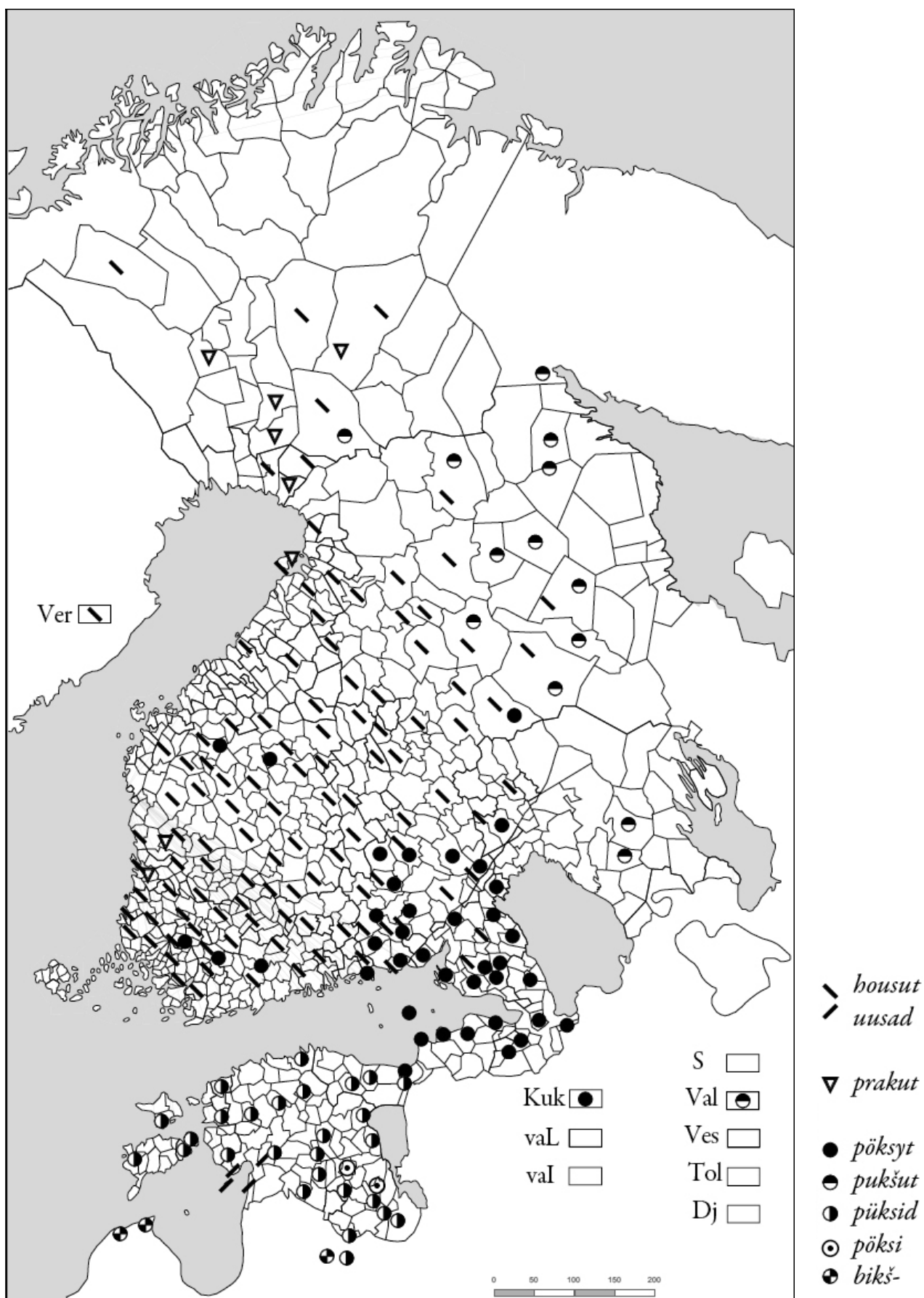
жды – балахонниками; причем такие наименования сохранились, и иногда так называли вепсов [Винокурова, 2003. С. 390]. Как считают этнографы, и карельские мужчины носили очень длинные рубахи, которые могли отчасти заменять брюки. Подобные рубахи, как пишет в работе «Прибалтийско-финские народы России» Е. И. Клементьев, карелы могли носить раньше до самой свадьбы [Клементьев, 2003. С. 248].

Таким образом, собранный для исследования материал по названию штанов/брюк в прибалтийско-финских языках показал, что в них нет ни одной исконной лексемы для наименования этого предмета одежды. Все названия брюк являются заимствованиями. Они поделили прибалтийско-финский ареал на две части: заимствования из русского и древнерусского языка и заимствования из древнешведского и шведского языка. Причем карты, посвященные именованию данного понятия, наглядно иллюстрируют, где проходила граница влияния востока и запада на прибалтийско-финский ареал (см. карты 2, 3, 4).

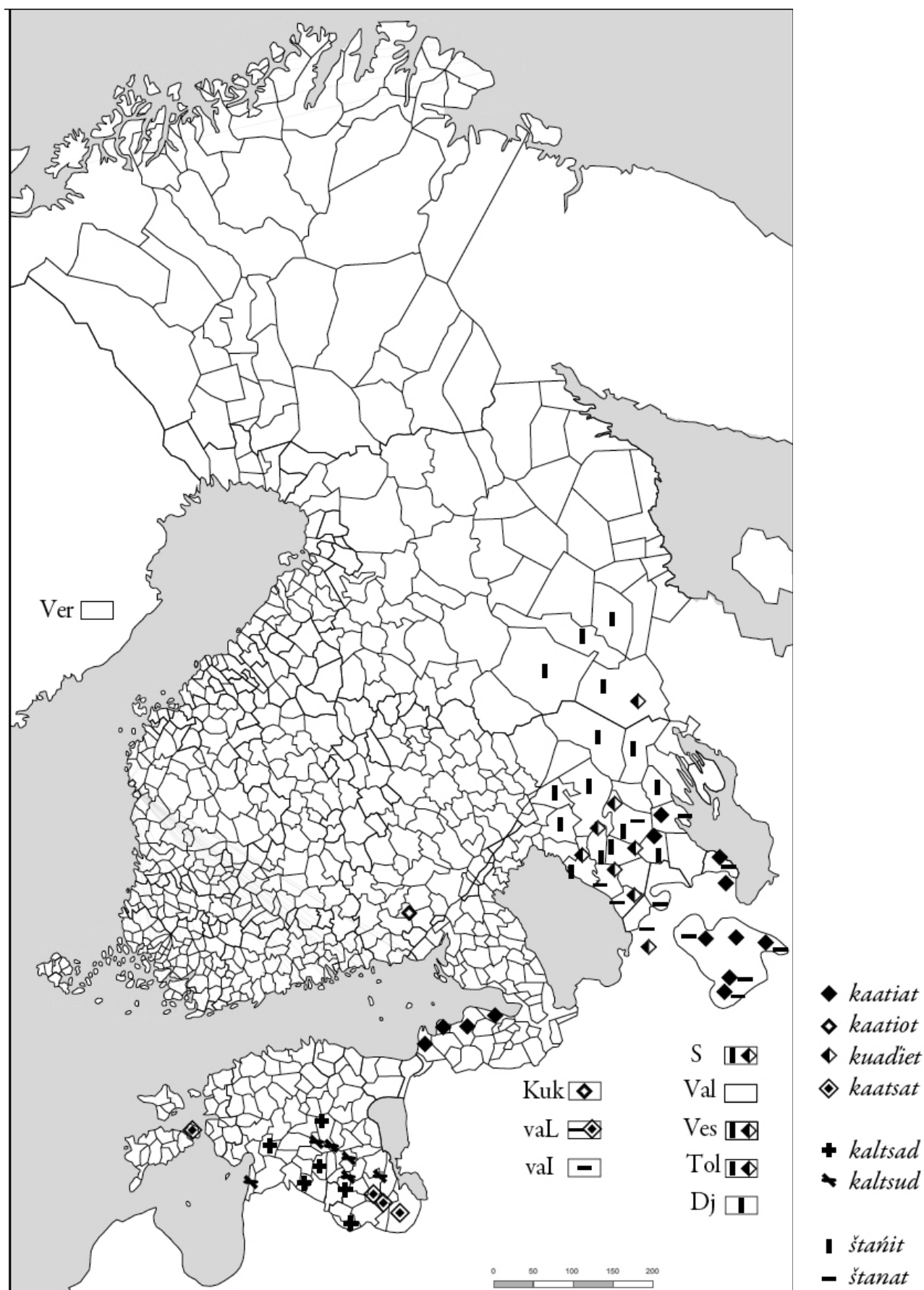
Материалы атласа позволяют заглянуть и в духовную культуру прибалто-финнов. В качестве примера можно привести данные лингвистических карт, посвященных именованию понятия «волк». С волком у прибалтийско-финских народов связано много различных легенд и поверий. Как свидетельствуют исследования, волка боялись даже больше, чем медведя, поскольку именно волк представлял угрозу для пасущегося скота. Его считали кровожадным существом, средоточием агрессивности, считали, что вой волка предвещает смерть или войну [Nirvi, 1944. S. 82; Винокурова, 2006. С. 118]. Иногда утверждали, что волк – это животное, которое соединяет два мира: наш и потусторонний, считали, что волк мог прийти на свадьбу в образе жениха, а невеста была его добычей [Сурхаско, 1977. С. 172]. Все это нашло отражение в мотивации именований волка, большая часть которых – табуированные названия. Возникновение табуированных названий опирается чаще всего на метонимию (напр. волк: *hännikäs* букв. «хвостатый», *pitkähändä* букв. «длиннохвостый»; олень: *šarvikko* букв. «рогатый»; заяц: *pitkäkorva* букв. «длинноухий»), метафору (волк: *hukka* букв. «пропажа, утрата», медведь: *mečänkingas* букв. «король леса»), а также на некоторые эвфемические замены (выдра: *ošmo* < *Osmund*; медведь: *mihalivanič* < *Михаил Иванович*) [Жаринова, 2006. С. 19–21]. Именований волка было ранее значительно больше, однако истребление зверя привело постепенно к забвению отдельных из них.

Карта 2. Штаны/брюки. Общая карта наименований

Карта 3. Штаны/брюки. Древнегерманские и шведские заимствования

Карта 4. Штаны/брюки. Древнерусские и русские заимствования

Как показал материал атласа, одним из наиболее распространенных слов для именовании волка является лексема *hukka*, которая свойственна финскому и карельскому языкам. В данном случае карельский язык противостоит вепсскому, в котором она сейчас неизвестна. Впрочем, можно предположить, что и вепсскому языку лексема *hukka* была в прошлом свойственна, поскольку она отмечена в топонимии вепсского края, например, *Hukgär'v*, *Hukoja* [Муллонен, 1994. С. 32].

Исследователи полагают, что табу *hukka* «утрата, потеря» возникло, прежде всего, в речи пастухов, которые не смели произносить имя волка, чтобы тем самым не накликать на стадо беду [Nirvi, 1944. S. 111]. Стремление уберечь стадо от потерь требовало новых слов-замен. Волка во многих языках стали называть собакой, заимствовав для этого лексемы из языков-соседей. В финских говорах появилось древнее русское заимствование *hurttä* (< русск. хорт «борзая» [SSA-I. S. 192], *хортая*, т. е. быстрая [Фасмер-IV, 1987. С. 288]). Данная лексема пришла в язык достаточно давно, а в финском литературном языке впервые появилась в 1642 г. в переводах Библии [Häkkinen, 2007. S. 225]. Даже у лексемы *susi*, которая исключительно широко представлена в финском языке, предполагаются индоевропейские корни со значением «собака» [SSA-III, 2000. S. 222; ср. также латышск. *suntene* «большая собака»: Häkkinen, 2007. S. 1218]. Представители многих эстонских говоров также склонны были называть волка собакой – *huntti*, заимствовав для этой цели немецкую лексему *Hunt* «собака», обладающую общей с лексемой *susi* германской этимологией.

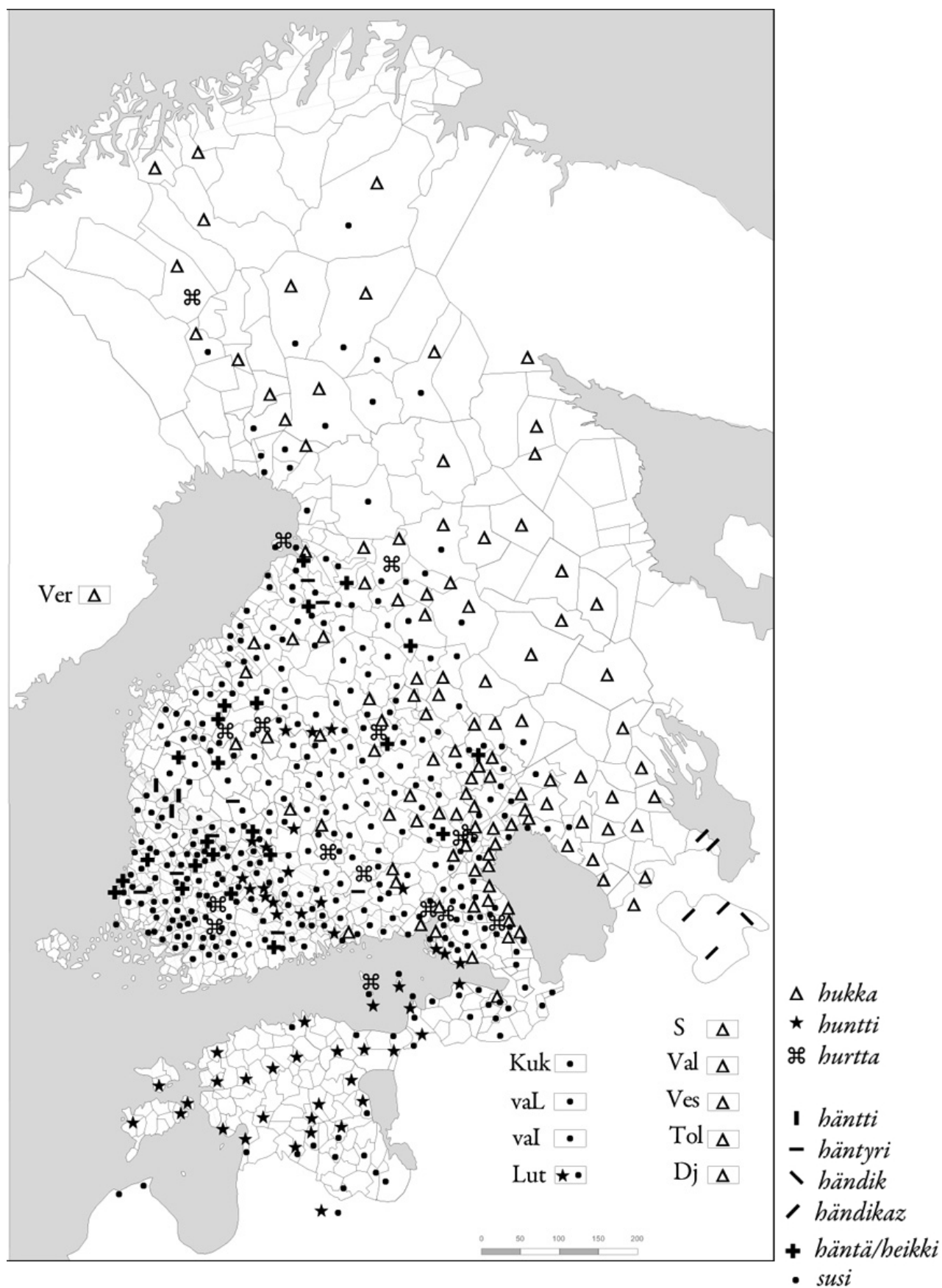
Хвост волка (финск. *häntä*) в вепсском, карельском, финском языках также стал предметом внимания при наименовании волка: с помощью суффиксов в языках было образовано много производных – *händikaz*, *häntyri*, *hännti*, *hüntäheikki* и т. д. Кроме того, было собрано немало менее распространенных наименований, которые также являются эвфемизмами: *laskupää*, *mulskosilmä*, *pötkö*, *metsäpeto*, *metsänheikki*, *vanha ukko*, *vihollinen*, *mustalainen* и т. д.

Таким образом, карта 5 иллюстрирует распространенные наименования волка, а на карте 6 показаны три основных наиболее широко представленных на прибалтийско-финской территории мотива, которые легли в основу наименований волка: 1) «собака» (*susi*, *hurttä*, *huntti*), 2) «хвостатый, обладающий хвостом» (*hännikäs*, *häntyri* и т. д.) и 3) «утрата, потеря» (*hukka*), которые отчасти отвечают на вопрос,

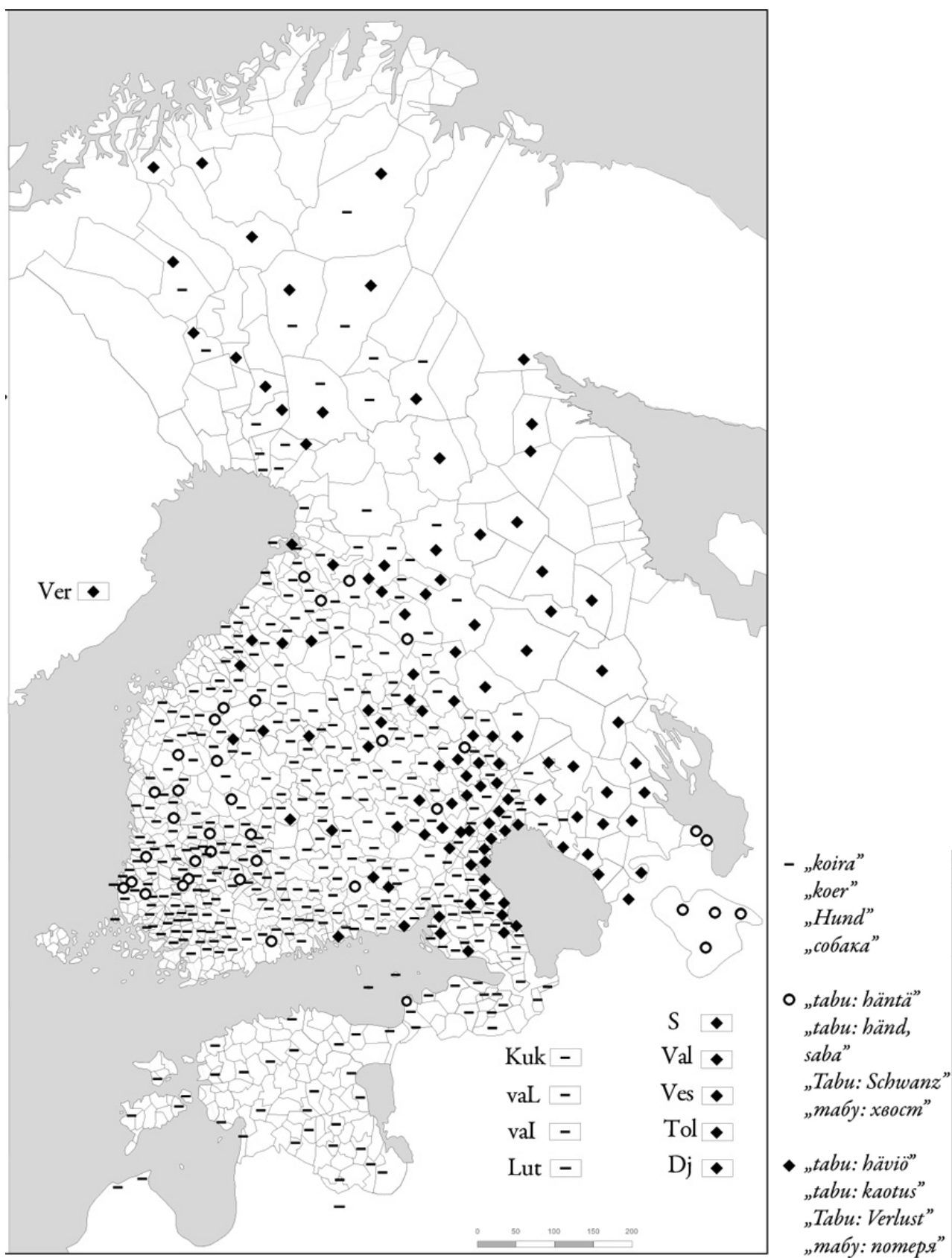
каким образом шло возникновение языковых образов и символов у прибалто-финнов. Употребление эвфемизмов в наименованиях волка из-за стремления обезопасить скот привело к тому, что исконные древние названия волка в современных прибалтийско-финских языках совсем не сохранились. Думается, что волки были известны прибалто-финнам, и его исконное наименование не могло не существовать, поскольку образ волка прочно вошел в мифологию народов.

Общие усилия лингвистов и этнографов позволяют глубже проникнуть в мир духовной культуры, в происхождение различных обрядов и верований, что, в свою очередь, даст возможность выявлять и универсалии в развитии языков, народов и их культур. У каждого народа свой опыт и своя мудрость. При исследовании мотивов номинации для карт ALFE удалось отчасти проникнуть и вглубь мыслительных процессов человека, выявить, какие же стороны предметов, явлений, реалий, действий представители того или иного народа выделяли в качестве главного признака и выносили их как наименования. В этом отношении показательны наименования понятия «земляника» – *Fragaria* [ALFE-I, 2004. S. 459], которое в прибалтийско-финских языках обладает многими фонетическими вариантами одной и той же лексемы, звучащей по-фински *mansikka*, примерно так же и во всех родственных языках. Предполагается, что лексема может восходить к основе **mantikka*, *manner*, *mantu* «материк; почва» [SSA-II, 1995. S. 147]. По-русски данная ягода называется «земляникой», т. е. ее наименование также связано с понятием «земля», по-польски, например, *poziomka*, по-немецки *Erdbeere* букв. «земляная ягода» и т. д. В языках различных групп существовал один и тот же мотив именования: близость к земле, почве. Человеческая мысль в именовании двигалась одинаково, выделив наиболее характерный признак, а звуковой облик, звуковая оболочка получились различными, соответствующими разным языкам.

Именования предметов, явлений и т. д., корни которых кроются в ассоциации, нередкое явление. Так, например, в названиях картофеля, ввезенного из Америки в XVI в., в качестве мотивов в прибалтийско-финском ареале выступили такие предметы, как груша (финск. *peruna*), яблоко (эст. *maa/õun*, ливск. *maa/ubin* букв. «земляное яблоко»), репа (ливск. *maa/na'ggörz* букв. «земляная репа») и даже яйцо [финск., ижорск, водск. *maa/muna* букв. «земляное яйцо»: см. ALFE-II, 2007. S. 53].

Карта 5. Волк. Общая карта наименований

Карта 6. Волк. Карта мотивов наименований

Но далеко не всегда мотив номинации очевиден. Кроме того, иногда мотивы бывают на первый взгляд ясно выраженными, но абсолютно непонятными с точки зрения их выбора. Например, в прибалтийско-финских языках имеется много различных наименований ягоды *поленика* – *Rubus arcticus* [ALFE-II, 2007. S. 468]. Большинство из них – это сложные слова. Семантически мотивы частей композитов связаны, например, с «медом» (*mesimarja* «медовая ягода»), формой (*maarain* «морошка», *mansikka* «земляника», *vattu* «малина»), местом произрастания (*luhdikka* < *luhta* «прибрежный луг, заливаемый внешней водой, низкое мокрое место») [SSA-II, 1995. S. 98]. Они достаточно понятны и объяснимы. Но один из мотивов заключается в том, что во внимание принят внешний вид, некая внешняя ворсистость ягоды, на основании чего в финских говорах возникли именованно-сложные слова, типа: *karva/hurri*, *karva/ressu*, *karva/mansikka*, где первая часть слова – *karva*- имеет значение «волос, шерсть, ворсинка». В собственно-карельском наречии и в вепсском языке поленику называют *hebočaine*, *hepokka* и в ливвиковском наречии карельского языка – *or'hoi*. Отметим, что близкое сходство между собственно-карельским наречием и вепсским языком в именовании предметов, явлений и т. д. в ALFE отмечается не столь часто. В данном случае и вепсское *hebočaine*, и собственно-карельское *hepokka*, *hepokkani* связаны этимологически с лексемами *hebo*, *heponi* «лошадь», а ливвиковское *or'hoi* с лексемой *orih* (деминутивная форма) «жеребец». Ворсистость ягоды здесь связали с лошастью, т. е. мотив налицо. Отметим, что в некоторых севернорусских говорах поленику называют *куманицей*, *куманкой* [см.: Словарь, 2006. С. 223], где прослеживается связь с древнерусской лексемой *комонь* «конь» [Фасмер-II, 1986. С. 304–305]. Знатор и исследователь лексического финно-угорского субстрата в русских говорах Северо-Запада С. А. Мызников отмечает, что нередко наличие семантических соответствий в ряде наименований трудно трактовать однозначно. Не всегда возможно определить, появилось ли наименование прямым заимствованием, или способом калькирования, либо каким-то иным способом [Мызников, 2009. С. 189]. В данном же случае можно утверждать, что факт существования одного и того же мотива в вепсском (*hebo* «лошадь»), собственно-карельском (*hepo~heponi* «лошадь») и ливвиковско-карельском (*or'hoi* «жеребец»), а также древнерусском (*комонь* «конь») наименовании поленики выявляется достаточно четко.

В статье представлена лишь малая толика моментов, подвергнутых анализу и картографированию в Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков, который, на наш взгляд, может служить источником материала для многих смежных наук.

Литература

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: Финно-угорское об-во, 1997.

Винокурова И. Ю. Вепсы: Одежда // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 388–396.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. 447 с.

Жаринова О. М. Зоонимическая лексика карельского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 24 с.

Клементьев Е. И. Карелы: Одежда, обувь // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 241–250.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 154 с.

Мызников С. А. Калькирование как вид межъязыковых взаимодействий // Диалектная лексика. СПб.: Наука, 2009. С. 183–192.

Словарь 2006 = Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

Словарь 2007 = Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007. 346 с.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1977. 235 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.

ALFE = Atlas Linguarum Fennicarum, I–II // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 800. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 118. Helsinki, 2004–2007.

Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 s.

Itkonen T. Kieliatlastyön näkymiä // Virittäjä. Helsinki, 1978. S. 254–270.

Kettunen L. Suomen murteet, I–II // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 188. Helsinki, 1930.

Kyselysarja = Itämerensuomalaisen Kielikartaston Kyselysarja. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1989. 100 s.

Manninen I. Eeste rahvariite ajalugu // Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat, 3. Tartu, 1927. Lp. 338–350.

Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmijöitä itämerensuomalaisissa kielissä. Riista- ja kotieläintalous // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 223. Helsinki, 1944.

Saareste A. Eesti murdeatlas, I–II. Tartu, 1938–1941.

Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansantieteen tuloksia, 2. Helsinki: Otava, 1921.

SSA = Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, I–III // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Tomituksia, 556. Helsinki, 1992–2000.

Talve I. Suomen kansankulttuuri // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Tomituksia, 305. Helsinki, 1979.

Voolma A. Meestepüksid eesti rahvarõivastes // Etnograafimuseumi aastaraamat, XXX. Tallinn, 1977.

Zajceva N. Pari pientä kuvaa aineellisesta ja henkisestä elämästä ALFEn peilaamana // Kodukeel ja keele kodu. Eesti keele instituudi toimetised, 13. Tallinn, 2009. Lk. 237–249.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зайцева Нина Григорьевна

зав. сектором языкознания, д. филол. наук
Институт языка, литературы и истории Карельского науч-
ного центра РАН
ул. Пушкинская 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185610
эл. почта: zaitseva@sampo.ru
тел.: (8142) 781886

Zaitseva, Nina

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: zaitseva@sampo.ru
tel.: (8142) 781886